

УДК 281.93+72
ББК 86.372+85.113(2)
Б 38

Бежин, Леонид.

Б 38 Дивеево. Русская земля обетованная / Леонид Бежин. — Москва : Алгоритм, 2014. — 336 с. — (Святые места).

ISBN 978-5-4438-0804-8

Дивеевская обитель в Нижегородской области под Арзамасом – одна из главных святынь для русских, куда совершаются благочестивые паломничества тысяч и тысяч людей. Дивеево избрала в Свой четвертый удел на земле Богородица, в Троицком соборе монастыря находится рака с мощами преподобного Серафима Саровского, чьими молитвенными трудами была создана здесь обитель. В годы гонений на церковь Дивеевский монастырь разделил печальную участь поруганных православных святынь: он был закрыт. Судьба Дивеево – в книге известного московского писателя Леонида Бежина.

УДК 281.93+72
ББК 86.372+85.113(2)

ISBN 978-5-4438-0804-8

© Бежин Л.Е., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Литературно-художественное издание

СВЯТЫЕ МЕСТА

Леонид Бежин

ДИВЕЕВО

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Редактор *Т.И. Маршков*
Художник *Ю.Р. Пономарева*
Корректор *Н.Н. Самойлова*

ООО «Издательство «Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 02.10.2014.
Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,6.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-4438-0804-8

Часть I
ДВА ЧУДА

Глава первая

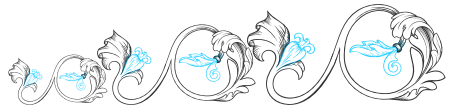
ОСИАННЫЙ НЕЗДЕШНЕЙ РАДОСТЬЮ

Способны ли мы до конца осознать, что такое Серафим для России? «И когда на другой день понесли вокруг церкви гробницу святого Серафима, и полетели над толпой к этой гробнице перебрасываемые холсты и представились мне руки, сеявшие и дергавшие лен по всей России, и прявшие и ткавшие его по темным избам по всей России, и глаза, не знавшие иной надежды сквозь слезы бабьей доли, — то поняла я, что такое Серафим для всей России». Так пишет Маргарита Сабашникова в своей книге о преподобном: вот ей приоткрылось... и она поняла... И все-таки вопрос остается, — во всяком случае, для нас. Да, мы чтим преподобного Серафима, мы совершаем к нему благочестивые паломничества, прикладываемся к мощам, вновь обретенным в 1991 году, просим о помощи и заступничестве, но — осознаем ли? Именно мы, живущие в XXI столетии, ведь нас отделяет от него почти два века? И отделяет, и отдаляет, и в этом мы уступаем тем, кто был ближе, внимал народной молве о подвигах старца, возможно ездил к нему за советом, терпеливо дожидаясь у кельи его выхода, просил об исцелении или даже пользовался доверительным расположением, как верный служка Мотовилов.

Так, может, они, ближние, по-настоящему осознавали?

Нет, они благоговели, дивились, изумлялись, боялись совершаемых им чудес и заворожено внимали предсказаниям, но осознание все же дано нам, *дальним*, свидетелям того, как сбылось. Сбылось многое из предсказанного преподобным, во-

плотилось, приобрело рельефные очертания — Крымская война, октябрьский переворот, гонения на церковь, ГУЛАГ, страдания и мучения миллионов узников. Да и о чудесах-то в полной мере узнали уже после смерти Серафима, поскольку при жизни он о многом заповедовал не разглашать, молчать до поры до времени.

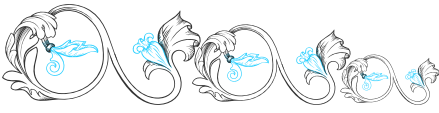
И как Богоматерь ему являлась, и как на камне тысячу один день и тысячу одну ночь молился, как медведя кормил — после, после...

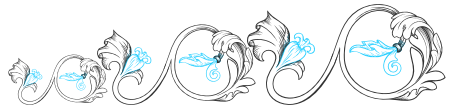
Таким образом, мы — дальние, и у нас — перспектива. Мы словно бы стоим на вершине горы, и перед нами, как облака, проплывает минувшее: месяцы, годы, столетия. Но, в то же время, как не позавидовать белой завистью тем, кто был рядом с преподобным Серафима, слышал голос, чувствовал прикосновение благословляющей руки, получал в подарок сухарики или частицы просфоры! Это, пожалуй, в чем-то дороже перспективы, теплее, интимнее, одухотвореннее, и этого нам будет отчаянно не хватать. Поэтому взамен мы должны попытаться воссоздать утраченный земной образ преподобного Серафима, чтобы дивный старец возник перед нами как живой со всеми его излюбленными словечками, прибаутками, движениями, жестами.

Серафим и такой — сохранился.

Сохранился во многом благодаря прекрасной русской книге — «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», написанной священномучеником Серафима Чичаговым. В нее включены живые свидетельства, простые, бесхитростные, со всеми особенностями устной речи рассказы тех, кто лично знал старца, — подлинные сокровища, жемчуг духовный, как говаривали когда-то. И нам остается лишь выбрать самое живое и характерное.

Но что же, что же выбрать, чтобы сразу возник образ? Может быть, Серафимовы приветствия — «Радость моя!», «Сокровище мое!» или «Ваше Боголюбие!» — с коими встречал он всех своих гостей? Да, пожалуй, тут мы сразу слышим голос Серафима, как и в многочисленных свидетельствах о нем тех,

кто бывал у него со своими просьбами, жалобами, надеждами: «Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму; все ему рассказала. Сама плачу, стою перед ним на коленях. А он смеется, да так ручками и сшибается (т.е. хлопает рука об руку)» (рассказ старицы Варвары Ильиничны).

Сшибается ручками — какой точно подмеченный жест, какая выразительная деталь! Но, может, лучше всего обрисован Серафим в рассказе дивеевской сестры Капитолины: «А как батюшка-то любил нас, просто ужас да и только, и рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда эдакая суровая, серьезная была, ну, вот и приду, а он уставится на меня, да и скажет: «Что ж это, матушка, к кому это ты пришла-то?» — «К вам, батюшка», — отвечу я. «Ко мне, — скажет он, — да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу, что ты, что ты, матушка!» — «Да как же, батюшка, — бывало скажу я, как же». — «А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка!» — ответит он. Бывало и скажешь: «Ах, да как же это, батюшка, да разве я смею!» — «Да как же не смеешь-то; ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят, да где бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна придти и поцеловать, а то, что стоишь, как чужая!»

Ну, не подлинное ли чудо этот рассказ?! Мы словно заглянули в окошко саровской кельи и увидели двоих: одна суровая и серьезная, наверное и губы поджаты, и брови сдвинуты, будто и впрямь чужая, а другой — весь сияет, лучится, сама доброта и отцовская любовь. Десять раз его поцеловать, ведь он родной, роднее не бывает! Такой рассказ не придумать, не сочинить — только наспех записать, чтобы ни словечка не пропало. Да, пожалуй, как нигде мы видим здесь, распознаем, угадываем живого Серафима.

И все же, все же... Пожалуй, для меня Серафим — в одной фразе, встречающейся у многих рассказчиков, повторяемой как рефрен, поэтому я и приведу ее не по одному конкретному мес-

ту из «Летописи», а обобщенно. Батюшке Серафиму была свойственна особого рода восторженность. Восторженность сродни той, с которой библейский царь Давид плясал перед ковчегом. Вот и Серафим... нет, не плясал, но, как передают о нем: «Во, во, матушка! Так и будет! — повторял Серафим, скача от восторга».

Скакал от восторга, осиянный нездешней радостью. Поистине в этом весь Серафим.

Глава вторая

МЯШНИНЫ

И жили рядом с храмом, и думали только о нем, и так хотелось в будущее заглянуть, хотя бы одним глазком высмотреть, каким он будет, когда, наконец, достроят.

Вот об этом-то и без конца спрашивали, пытали друг друга, особенно дети — те аж заходились от жгучего любопытства, от азартных своих фантазий. Заберутся на печку, подбородок в острые кулачки упрут и ну расписывать. Чего им только ни чудилось, ни блазилось. Хотя что спрашивать-то, если ответ заранее известен (так рассуждали старшие). А таким наверняка и будет, каким изобразил его на рисунках и чертежах столичный архитектор, важный господин с голым черепом, обтянутым морщинистой кожей, сырым, помятым лицом и неестественно большим расстоянием от носа до тонких, по-бабьи поджатых губ — один из учеников знаменитого Растрелли, которому заказали проект. Исидор Иванович сам ездил заказывать, долго разыскивал дом на Невском проспекте, стучал в дверь с медной табличкой. И, смущенно покашливая в кулак, разглаживая бороду, от имени всех горожан просил уважить, постараться, чтобы храм был не хуже столичных (столичным-то уже успел надивиться, задирая голову, — только шапку держи, чтоб не упала). Пообещал, что в долгу не останутся, сунул руку за пазуху и выложил на подзеркальник пухлый, перевязанный бечевкой конверт:

— Извольте, не побрезгайте — авансец.

И снова смущенно кашлянул, даже слегка зарделся.

— Деньгами не брезгаем. Напротив даже. — Ловким щелчком господин отправил конверт в выдвижной ящик подзеркальника. Отправил и непринужденно задвинул: — Благодарим-с. — Из вежливости счел нужным осведомиться: — Как вам Петербург?

Гостю оставалось лишь развести руками в немом изумлении перед Петербургом и произнести сакраментальное:

— Столица!

Тот ослабилась в любезной улыбке.

Через месяц принимали архитектора у себя в Курске. Водили, показывали место, под постройку отведенное, благо вот оно, рядом, в двух шагах от дома. Он осматривал, вымеривал шагами, что-то черкал в записную книжку, соображал. Потом удовлетворенно карандашом по обложке постукивал, на солнце рассеянно жмурился, что-то напевал: расчеты завершены, кончена работа.

— Пожалуйте отобедать. На воздухе-то, чай, проголодались?

— Что ж, охотно.

Попотчевали его курником, поросенком с гречневой кашей, заливным из осетрины, водками и наливками: все-таки столичный фрукт, надо уважить.

Довольный уехал, попросив три месяца сроку, и в положенное время прислал курьера с готовым проектом. Если их разложить, эти чертежи и рисунки, всмотреться в них, то будущий храм словно сойдет с бумаги и повиснет в воздухе, сотканный из струйчатых переливов: легкий, изящный и то же время исполненный державной мощи, с восьмискатным куполом, синяя глава, усыпанная золотыми звездами, на четырехсветном фонаре, стройная трехъярусная колокольня. А изнутри украсят росписями, царские врата позолотят, иконы в резных окладах повесят. Ох, и красив будет храм — из всех курских-то самый красивый, пышный и великолепный. Как запылают жарко свечи, польется с колокольни тихий благовест, воскурят ладан в паникадилах, душа и возрадуется, возликует и к горним высям воспарит...

Конечно же, и все разговоры в семье Машниных были о храме.

Вот наступало время обеда, все собирались к столу, звали из дальней комнаты бабушку Феодосию Наумовну, мать Исидора Ивановича, согбенную, иссохшую, с лицом цвета печеного яблока, но ясную умом и глаза ястребиные, зоркие, все примечают. Встречали ее у порога, придерживая под руки, помогали дойти до стола, усаживали в глубокое кресло, укутывали ноги пуховой шалью (если хворала, посылали ей обед с прислугой). Перекрестившись на темные лики икон, покрытых белоснежными рушниками, сами чинно садились за стол; Исидор Иванович наставительно кивал старшей:

— Читай.

Параскева, выпрямившись, оправив на плечах малиновое платье с оборками, перекинув на грудь иссиня-черную косу, прочитывала вслух «Отче наш», после чего все снова крестились и дружно брались за ложки. Но, не успев зачерпнуть из тарелки, Исидор Иванович мнительно прислушивался к стуку молотков за окнами, досадливо морщился, словно над ним назойливо зудела злая муха, и с сомнением покачивал чубатой головой:

— Ох, боюсь, перекосят шельмы. Снова не по отвесу прибьют. Не раз уж такое бывало.

И — за всем догляд нужен — порывался выбежать, проследить и если что — отчитать за нерадивость, дать хорошую выволочку.

Агафья Фотиевна его мягко останавливала:

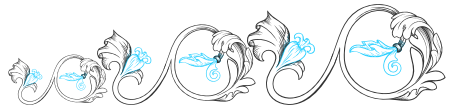
— Да ты поешь. Остынет.

Но сама не выдерживала и, тихонько выскользнув за дверь, смотрела, как прибывают, и, лишь убедившись, что муж опасается понапрасну, никакого перекося нет, все по отвесу, возвращалась на место. Он, глядя на нее, понемногу тоже успокаивался, прояснялся, мягчел.

Дальше мирно обедали, тихонько говорили о подводах с кирпичом, о настилке полов, о резных наличниках для окон, кровельном железе и сусальном золоте. И дети чутко ловили

Сергиево-Казанский кафедральный собор в Курске возводился стараниями курского купца Исидора Машнина – отца будущего преподобного Серафима Саровского

каждое слово — только бы не пропустить что-то важное, а затем, после обеда тоже шушукались в уголке, обсуждали.

— Подвода одна застряла, слышали? Ось-то сломалась, и она набок завалилась. Но кирпичи целы...

— Слыхали, слышали. Кучер сплеховал. Может, пьяный был.

— Пьяницу батюшка держать бы не стало. На солнышке кучер перегрелся — вот в глазах-то и потемнело, повело. Или заснул...

— Днем-то спать...

— Но! Заснешь, если до этого всю ночь напролет работал по батюшкину приказу.

Детей у Машниных трое: помимо самой старшей из всех Параскевы еще средний по возрасту сын Алексей и младший Прохор. Братья похожи на отца, рослые, крепкие, как боровики, русоволосые, с прямыми носами, глаза словно синькой тронуты, хотя у Прохора — больше в голубизну. Да, такие глаза, словно отражение весеннего неба в них застыло. А Параскева — в мать: темненькая, зеленоглазая, с толстой косой вдоль спины и пушистыми ресницами. Она за братьями смотрит, о них заботится, учит уму-разуму. Псалтырь с ними читает, раз у отца и матери не всегда выпадает на то лишний часок. Исидор Иванович и Агафья Фотиевна хоть и любят детей, но порою кажется, что самое любимое, дорогое сердцу чадо для них — храм, посвященный преподобному Сергию Радонежскому, который они вот уже который год кропотливо, усердно возводят...

Старый деревянный недавно сгорел — весь, без остатка, лишь чудом сохранилась от огня икона Казанской Божьей Матери. Среди головешек и тлеющих углей — цела-невредима. Значит, сама Богородица велела назвать будущий храм Сергиево-Казанским и отстроить его на славу, всем на удивление. Вот и тянулись, поскрипывая, подводы с кирпичом, стучали топоры, сыпали свежими опилками пилы: поднимался храм стараниями Исидора Ивановича, самими горожанами поставленного во главе святого дела, и его верной супруги.

Он-то с чертежами все и сверял и ни малейшего упущения не спускал, артель свою держал круто. Деньги же на храм — от щедрот своих — пожертвовал почетный горожанин Карп Ефремович Первышев. Да, именно он, во всем аккуратный, прилежный, основательный, с закрывающими лысину редкими прядями и надушенными носовыми клетчатými платками (уголки украшены вышитой монограммой). И другие достойные люди добавили, как пустили шапку по кругу. Чин освящения места закладки будущего храма совершал святитель Белгородский Иоасаф — с зычным голосом, острым кадыком и развевающейся по ветру моисеевой бородой.

Словом, Богородица велела, Карп Ефремович пожертвовал, Иоасаф освятил — не подкачайте, Исидор и Агафья!..

